

ЮБИЛЕИ

Свое 60-летие Александр Калягин отмечал весной. Отмечал скромно, без привычных фанфар, отложив праздник на осень. Предлагалось совместить личное торжество с днем рождения театра Et Cetera, которому на минувшей неделе стукнуло аж 10 лет.

Бывший министерский зал нашпигован знакомыми лицами. Главная приманка вечера — премьера Роберта Стурра, сочинившего для Калягина спектакль «Последняя запись Крэйпа» (так переименовали пьесу Беккета, которую не так часто тревожат стареющие звезды театрального мира). Перо автоматически вывело «для Калягина», а потом подумал: нет, не для Калягина и не «под Калягина» возникло сочинение Стурра. Меньше всего грузинская бригада (рядом с режиссером работа-

В ЗОНЕ МОЛЧАНИЯ

Калягин, Стурра, Беккет, Et Cetera

ванной помойки и несколько за душу хватающих музыкальных вскриков Гия Канчели, намекающих на то, что в мире есть какой-то иной план, в котором герой пьесы явно разувелся.

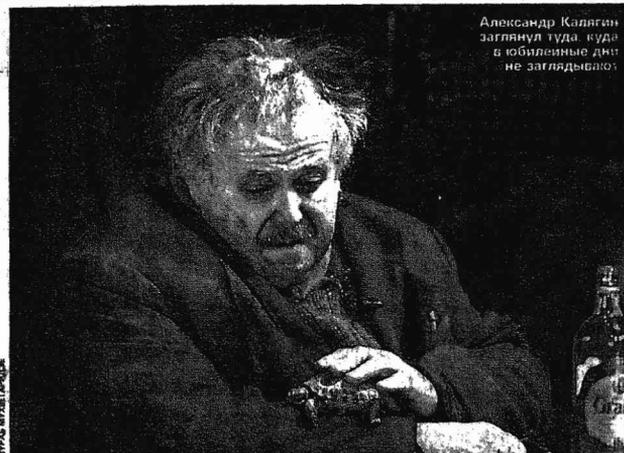
Калягин минут десять играет в зоне молчания: начинает день, вылезая из кучи хлама, подробно вполне аристократически одевается, сортирует траву, поедает большой банан, потом другой, поменьше. Добывает из своих лямпо-

в опустевших небесах, во всей этой истории заведенной метафизике? Глаза Крэйпа почему-то вспомнили мне Калягина — Платонова, великую его роль, в которой он начинал задавать свои вопросы миру. Платонов сместно бунтовал, Крэйп осознанно смирился, прижался. Смысл того, что именуют жизнью, остался только в самых простых движениях и проявлениях. Съест банан, опорожнит мочевой пузырь, услышит лягуз проходящей вверху электрички. В чистом виде «метод физических действий».

Сказать, что зал театра Et Cetera иррационально возмущен и издал стоны восторга по его поводу, не могу. Нашпигованный знаменитостями зал ожидал чего-то другого. Пьеса не вызвала ответной волны сочувствия, без которого русский театр не живет. Может быть, Стурра вместе с Калягиным и не рассчитывали на такое сочувствие. Они рассчитывали на «метод физических действий», который впереди у каждого из нас. Трудно в это верить, еще труднее этим восхититься, но смысл картинки, сочиненной Стурра, кажется, в этом и состоит. Калягин на такую игру согласился, проверил себя и стоически эту игру выдержал. Вопросительные аллоидименты в финале обозначили чекую растерянность юбилейной публики: неужто это все и больше ничего не будет?

Больше ничего не было. Третье было, но к пьесе Беккета отношения не имело. На сцену поднялись знаменитые люди, а также актеры театра Et Cetera, внесли огромные букеты штегов, сказали положенные слова. Александр Александрович Калягин вернулся в мир, сказал в ответ такие же ритуальные слова, которые он пытался обронить всем ходом только что сыгранного им спектакля. Брехтовское ostracismo отгласило «метод физических действий». Такие смысловые перевертывания иногда случаются в юбилейные дни, из привычного жанра не выпрыгнуть. Но актерское мужество, но высокая игра тоже чего-то стоят. Ведь Калягин заглянул туда, куда наши актеры в дни юбилеев обычно не заглядывают.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

Александр Калягин заглянул туда, куда в юбилейные дни не заглядывают

два вернейших его союзника Гия Канчели и Георгий Алекси-Месхишвили) была озвочена эффектным актерским соло. В сущности, более не юбилейной пьесы трудно сыскать в мировой классике. Тут негде развернуться несравненному комическому дару актера, его взрывному темпераменту. Тут надо обнажить свое сердце, победить актерские искусства и сыграть то, что написано в этой короткой пьесе. Судьбу одинокого старика, осмысливающего свое положение в обезбоженном мире.

Стурра изменил ландшафт пьесы. Тут Европой не пахнет, тут нашненские заворки, дно, не одинокий старик, но бомж, которого каждое утро можно встретить у любого мусорного бака в любой точке бывшей империи. Какая-то ржавая рваная сетка отделяет пространство бомжа от железной дороги, лягающий звук проходящей электрички, мерзость роскошно организо-

тыв-то одни часы, то другие, пытаются определить время. Но стрелки давно остановились, а часы пригодны лишь на то, чтобы пополнить кучу хлама. Крэйп приотлился, уотился на краю пропасти. Автоматизм помойной жизни кажется более осмысленным, чем прежняя жизнь среди людей. От той жизни в чувственной памяти остались глаза какой-то девочки и лодка, которая все качается и качается на волне. Память старика кружит и кружит вокруг любовной лодки, которая держит его на этом последнем перегоне.

В «Последней записи Крэйпа» Калягин произвел над собой не только внешнюю, но и внутреннюю пластическую операцию. Содрал свои любимые штампы, привычные интонации и жесты. Только глаза остались калягинские: наивные, голубые, детские, вопрошающие. За что все это? И какой в этом во всем смысл? В исчезнувшей любви,

ЭТАП МУЗЕИ

Мирская
Театр "Et cetera"